Книгоиздательство „НАРОДНАЯ ВОЛЯ“.

„Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!“

С. П. ШВЕЦОВЪ (С. МАРУСИНЪ).

Въ ожиданіи казни.

Разсказъ.

1 Эк 4

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906

К.
М
Ш Р
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П.(б.)
14 Л 7780
А6
10780

Типографія Н. П. Собко.

Въ ожиданіи казни.

Ранняя, теплая весна далекаго Юга. Темная ночь волнами ароматнаго воздуха врывается въ настежь открытое окно крѣпостнаго каземата, слабо освѣщеннаго лампочкой. Въ крѣпости тихо, мертво...

Я стою у окна, охвативъ руками рѣшетку и прижавшись лбомъ къ ея холодному желѣзу. Это давно уже мое любимое мѣсто, любимое положеніе. Стоишь такъ часъ-другой... ни мысли, ни чувства.. проносятся какіе-то смутные обрывки, не оставляющіе въ сознаніи слѣда...

Передъ глазами до мелочей знакомая картина. Гдѣ-то тамъ, подъ ногами шумитъ и змѣится рѣка, стиснутая громадами горъ. Волны безсильно одна за другой разбиваются о вздымающуюся изъ глубины водъ скалу, на вершинѣ которой высятся старыя крѣпостныя стѣны съ ихъ мрачными казематами. Направо виднѣетея часть моста, по которому днемъ снуетъ народъ. На противоположномъ берегу прямо изъ воды выступаетъ огромное шестиэтажное зданіе караванъ-сарая [1]) съ его безконечными балконами. Лѣвѣе раскинулась азіатская часть города съ узкими, кривыми улицами, съ характерными, безъ крышъ, постройками и кое-гдѣ виднѣющимися высокими минаретами. [2]). Кругомъ—сады и виноградники. За рѣкой раскинулся городъ по склонамъ зеленѣющихъ холмовъ, дальше—цѣпь горъ, замыкающихъ котловину.

---

[1]) «Караванъ-сарай»—среднее между постоялымъ и торговымъ дворомъ.

[2]) «Минаретомъ» называется та часть зданья мечети, съ которой передъ богослуженіемъ мусульманъ призываютъ на молитву, она соотвѣтствуетъ колокольни христіанскихъ храмовъ.

На землю спускаются сумерки, быстро смѣняемыя ночью. Вотъ гдѣ-то вспыхнулъ въ окнѣ огонекъ, за нимъ другой, третій... еще нѣсколько мгновеній — и уже тысячи огней мелькаютъ по склонамъ зарѣчныхъ холмовъ. Я люблю слѣдить за появленіемъ этихъ огоньковъ— въ нихъ чувствуется присутствіе жизни, „воли“.

Постепенно кругомъ все затихаетъ, только изрѣдка слышатся шаги часового. Гдѣ-то далеко, далеко поетъ и рыдаетъ зурна [1]), постепенно смолкая... Опять тишина да мѣрные звуки шаговъ... Часы бѣгутъ за часами... Зарѣчные огни давно погасли, только крупныя яркія звѣзды мигаютъ въ темно-синемъ небѣ... Вотъ съ высоты ближайшей мечети сорвались и понеслись внизъ на землю протяжные, чистые звуки молодого тенора, призывающаго правовѣрныхъ къ молитвѣ... И опять все тихо.

Стоишь, задумаешься и забудешься... Весь внѣшній міръ какъ будто отодвинется куда-то отъ тебя, исчезнетъ, точно и самъ исчезнешь, вмѣстѣ съ нимъ, и выступаетъ сильно, отчетливо, ясно, одно только ощущеніе—ощущеніе одиночества и всепоглощающей, жгучей, какъ слезы, тоски... И силъ нѣтъ, нѣтъ желанія бороться съ этимъ разлагающимъ и разслабляющимъ ощущеніемъ...

Въ одну изъ такихъ именно минутъ я былъ внезапно разбуженъ рѣзкимъ, непріятнымъ звукомъ отодвигаемаго желѣзнаго засова. Кто могъ идти ко мнѣ въ такой поздній часъ? Я хорошо зналъ, что послѣ вечерней „зори“ извнѣ впускали только въ случаяхъ исключительной, экстренной надобности; своимъ же, крѣпостнымъ тюремщикамъ ночью у меня также дѣлать нечего. Я терялся въ догадкахъ и не безъ тревоги ждалъ посѣтителя. Но вотъ дверь отворилась, и появился нашъ корридорный надзиратель, веселый и улыбающійся, въ

---

[1]) «Зурна» —народный грузинскій музыкальный инструментъ.

новенькомъ унтеръ-офицерскомъ мундирѣ; въ рукахъ, по обыкновенію, онъ держалъ огромную связку ключей.

— Пожалуйте, господинъ, въ церковь!

Я не понялъ, чего отъ меня хотятъ,—такъ неожиданно, такъ необычно было подобное приглашеніе. Видя мое недоумѣніе, надзиратель повторилъ:

— Въ церковь, говорю, не пожелаете ли, къ заутрени? Завтра Свѣтлое Христово Воскресенье... Смотритель приказали звать...

Да, вотъ что! Мнѣ вдругъ стало жутко, что вотъ-вотъ двери опять захлопнутся передо мною, и я вновь останусь одинъ... Меня потянуло вонъ изъ этой тѣсной, такъ опостылѣвшей „камеры“, хоть на полчаса, хоть на минуту. Я схватилъ шапку и выбѣжалъ... Пройдя нѣсколько корридоровъ, спустившись съ лѣстницы, мы вышли на широкій тюремно-крѣпостной дворъ.

Боже мой, какъ давно я не былъ на дворѣ ночью; и какъ хороша южная весенняя ночь даже въ острожныхъ стѣнахъ! Въ ней есть что-то опьяняющее и раздражающее, что-то вызывающее безотчетную грусть и въ то же время какую-то особую чуткость всей нервной системы: кажется, вотъ-вотъ что-то случится и наполнитъ весь міръ движеніемъ, звуками, жизнью, и ухо напряженно вслушивается въ окружающую тишину.

Теперь мнѣ трудно сказать, дѣйствительно ли намъ приходилось идти далеко или мнѣ это только показалось, но мы шли что-то долго. У меня сохранилось въ памяти только одно: я до того отвыкъ отъ темноты, что почти разучился ходить въ потьмахъ, какъ будто мнѣ заграждало что-то путь, и я неувѣренно дѣлалъ шагъ, подвигаясь впередъ.

Церковь приходилась на самой вершинѣ гранитной скалы, служившей подножіемъ крѣпости. Когда мы подошли, служба еще не начиналась, хотя окна церкви сверкали огнями. Вводили арестантовъ, съ разныхъ сто-

Собесѣдникъ мой оказался рядовымъ, происходившимъ изъ крестьянъ одной изъ внутреннихъ губерній, имѣющихъ смѣшанное—полухохлацкое, полувеликорусское—населеніе. Фамилію онъ носилъ хохлацкую — Шубенко, во всемъ же остальномъ выглядѣлъ совершеннымъ русакомъ, „москалемъ“. Говорилъ онъ тихо, спокойно; иногда рѣчь его звучала грустными нотами, но ничего въ ней не было рѣзкаго, повышеннаго. Не смотря на то, что онъ говорилъ почти исключительно о себѣ, можно было подумать, что онъ имѣетъ въ виду кого-то постороннаго, разсказываетъ о фактахъ, которыхъ ему пришлось быть только свидѣтелемъ, чуть-ли не случайнымъ. Впослѣдствіи, при воспоминаніи о своей мимолетной встрѣчѣ съ Шубенкой, мнѣ всегда казалось, что я слышу и самый тонъ его разсказа, оставшійся для меня загадкой и до сихъ поръ.

Служба давно уже началась, и снизу доносилось къ намъ стройное пѣніе, когда Шубенко сталъ мнѣ разсказывать свое „дѣло“. По временамъ онъ останавливался, и мнѣ казалось въ такихъ случаяхъ, что мысль его перебивается чѣмъ-то постороннимъ; но черезъ минуту онъ продолжалъ опять въ прежнемъ тонѣ. Только эти перерывы и могли служить слабымъ указаніемъ на какую-то внутреннюю, можетъ быть, безсознательную работу.

— Пять лѣтъ я пробылъ на службѣ, пока не отпустили въ запасъ. Пришелъ домой, только мать одну въ живыхъ и засталъ... Дѣлать нечего, пришлось съизнова все заводить—старушечье хозяйство какое! За время-то службы поотвыкъ отъ работы, безъ малаго учиться пришлось: за что ни возьмусь, все трудно,—точно и руки у тебя не тѣ... Сначала тяжело было — страсть! а потомъ пріобыкъ, зачалъ работать, какъ и прежде... Женился—безъ бабы какое ужъ хозяйство? Ничего дѣвку взялъ—смирная, да и работала не хуже другихъ. Стало полегче... Ребята пошли —тутъ и вовсе повеселѣлъ...

— Прошло такимъ манеромъ годовъ съ шесть, а можетъ и поболѣ... Хоть и тяжкая жизнь была, полуголодная, только все же кое-какъ жили, думали можетъ, когда и получше будетъ... Слышимъ, сталъ народъ поговаривать, что скоро война будетъ; что дальше, то больше болтаютъ... Сказываютъ, какой-то въ чужомъ государствѣ народъ шибко бунтовать началъ, такъ наши смирять пойдутъ... Тоска навалилась на всѣхъ. Баба плачетъ, а я ей говорю: „дура, чего нюни распустила? можетъ быть, еще такъ болтаютъ, зря, можетъ, еще ничего и не будетъ, а ты ревешь да убиваешься“. Говорю это ей, а у самаго на сердцѣ такъ тоскливо, что, кажется, и самъ бы заплакалъ... Куда ни пойдешь, вездѣ только и разговору, что о войнѣ... Заскучалъ народъ.

— Послышимъ,—и въ самомъ дѣлѣ война зачалась. Только насъ не трогаютъ; однако, распоряженіе отъ начальства вышло, чтобы запасные никуда изъ дому не отлучались.

— Подошла весна, сѣять зачинали... Вдругъ пріѣзжаетъ изъ волости нарочный, прямо къ старостиной избѣ. Сбили народъ. Писарь пришелъ и вычиталъ бумагу—запасныхъ, слышь, требуютъ... Сейчасъ это насъ собрали—и всего-то въ деревнѣ насъ, запасныхъ, двое было,—да поскорѣе въ волость,—не успѣлъ ладомъ и проститься. Бабы воютъ, за ними ребята... Къ утру на подводѣ доставили въ правленіе, а къ вечеру всѣхъ насъ и въ городъ отправили... Такъ живо обернулн дѣло, что я и опамятоваться не успѣлъ, какъ и опять солдатомъ сталъ.

Шубенко замолчалъ, но остался въ той же позѣ съ нѣсколько наклоненной впередъ головою и опущенными глазами; руки крѣпко охватывали колѣни, прижатыя почти къ самому подбородку. Можно было подумать, что его обступили воспоминанія недавняго прошлаго, отъ котораго въ эту минуту его отдѣляли толстыя стѣны, да крѣпкіе желѣзные запоры.

— Что же, васъ прямо въ здѣшніе края и отправили?—спросилъ я.

— Нѣтъ, вяло и не сразу отвѣтилъ онъ.—Спервоначала насъ отправили въ городъ Курскъ,—тамъ мы мѣсяца два стояли, а потомъ ужъ вышло распоряженіе идти сюда... По чугункѣ ѣхали, а какъ добрались до этихъ горъ, пѣшкомъ пошли...

— Да въ крѣпость-то вы какъ попали?

Шубенко не отвѣчалъ. Мнѣ какъ-то неловко было разспрашивать, что привело его въ тюрьму, и мы нѣкоторое время сидѣли молча.

Служба близилась къ концу. Церковь полна была красивами звуками пасхальнаго пѣнія, изрѣдка нарушаемаго непріятнымъ позвякиваніемъ цѣпей на ногахъ арестантовъ. Я давно уже не слыхалъ пѣнія и теперь съ удовольствіемъ слушалъ: пѣли, дѣйствительно, хорошо. Я забылъ Шубенку и его разсказы, отдавшись новому впечатлѣнію, когда неожиданно онъ опять заговорилъ.

— Судьба ужъ, видно, такая... Бѣжать захотѣлъ, да вмѣсто того въ эту самую крѣпость попалъ...

Я не безъ удивленія взглянулъ на своего сосѣда: столь опредѣленный и рѣзко выраженный поступокъ, какъ побѣгъ, такъ мало гармонировалъ съ его, повидимому, пассивной натурой. Живо заинтересованный, я подвинулся къ нему и просилъ разъяснить, какъ и почему онъ бѣжалъ.

— Шибко тоскливо было... Еще покуда въ губерніи стояли, ничего, хоть народъ свой,—съ тѣмъ поговоришь, того послушаешь, какъ будто на сердцѣ и полегчаетъ. А какъ зашли сюда—хоть плачь: что день, то горы все выше да выше; россійскаго нашего народу вовсе не стало попадаться,—все нерусскіе, смотрятъ на тебя, какъ на звѣря... Дорога трудная—камень, ноги посбилъ, тяжело идти, жарко... Тутъ-то вотъ меня и начало сосать:

день денской ровно кто гложетъ нутро, а ночью еще того хуже... На свѣтъ бы, кажется, не глядѣлъ...

— Думалъ сначала, что въ дѣйствіе пошлютъ, на войну, значитъ, а замѣсто того довелось сюда идти... А тутъ какая война—мужики земли, сказываютъ, требуютъ, чтобы вся, значитъ, земля народу отошла... Начальство это за бунтъ почитаетъ, вотъ и посылаетъ сюда войска, усмирять, значитъ... А ихъ что усмирять-то? Только какъ будто не русскіе, а что насчетъ земли, такъ это вѣдь и въ нашей сторонѣ тоже самое—земли требуютъ. Теперь по всей Россіи,—сколько мы теперь прошли мѣстъ!—только и разговору, что про землю да волю—безъ нихъ до того подошло, что хоть ложись да помирай!..

Шубенко немного помолчалъ.

— Идемъ это горами, тяжело страсть, а все на душѣ одна дума, такъ и сверлитъ тебя, такъ и сверлитъ: вотъ я иду усмирять кого-то, а что теперь дома дѣлается? Може тамъ теперь нашихъ тоже усмиряютъ, солдатъ нагнали, а то казаковъ... Неприведи ты, Господи! Какъ подумаю, такъ сердце и захватитъ!..

— А что же у васъ тоже бунтуютъ, что ли?—спросилъ я.

— Нѣтъ, пошто бунтуютъ,—съ живостью отвѣчалъ Шибенко,—сказываю, народъ говоритъ, что безпремѣнно должна отъ господъ вся земля отойти къ мужикамъ, вотъ и ждутъ, и воли ждутъ, чтобы какой порядокъ хочетъ народъ заводить, чтобы такой и устанавливали, и чтобы никто препятствовать не могъ—земскій тамъ, или другой кто... А бунту никакого нѣтъ.

— Такъ чего жъ вы казаковъ боитесь?

— А вотъ, я вамъ скажу, у насъ по сосѣдству деревня есть—Зябликова прозывается. Такъ вотъ осенью присылали туда казаковъ—и бунту то же тамъ никакого не было, а казаковъ присылали... И, Господи, ты, Боже мой! что они только ни дѣлали съ народомъ, поразсказать,

такъ не повѣрите, вѣрное слово не повѣрите! Сколько однѣхъ бабъ да дѣвокъ перепортили—страсть!

Шубенко опять пріостановился.

— Вотъ все думушка и сосетъ сердце: а вдругъ и у насъ тоже?.. Такъ вотъ и сосетъ день деньской...

— Чего только я ни дѣлалъ,—ничего не помогаетъ. Вижу, товарищи стали примѣчать за мною, пристаютъ,—нехорошо выходитъ, а самому еще тошнѣе. Побился я такъ сколько тамъ, да и надумалъ бѣжать. И не хотѣлось—стыдно было да и боязно, да на-ухо ровно кто шепчетъ: бѣги да бѣги! Я и послушался...

Шубенко опять замолкъ.

— Какъ же вамъ удалось бѣжать?—спросилъ я, желая вызвать его на дальнѣйшій разсказъ.

— Я вамъ правду скажу, — вдругъ оживился Шубенко:—вотъ, какъ Богу, такъ и вамъ,—хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ!

Въ его голосѣ слышались какія-то новыя ноты.

— Я и самъ, не знаю, какъ рѣшился на такое дѣло... Я такъ думаю: не оторвись у меня подборъ на сапогѣ, я и до сихъ бы поръ оставался въ батальонѣ, а можетъ, лежалъ бы гдѣ убитый...

Я не могъ не выразить своего удивленія.

— Такъ оно было, надо правду говорить... Идемъ мы какъ-то; дѣло подвигалось къ вечеру, устали всѣ... А у меня на сердцѣ такъ и сосетъ, такъ и сосетъ: горы кругомъ,—страсть посмотрѣть! а мы который уже день все кверху лѣземъ... Взглянешь это въ сторону: тутъ тебѣ гора, а тутъ пропасть, и дна не видать,—и еще того пуще засосетъ... А въ головѣ одна думушка: чѣмъ такой грѣхъ на душу брать, лучше надо уйти, безпремѣнно уйти! Вотъ идемъ мы этакъ, вдругъ и запнись я за камень на дорогѣ, да подборъ и отлети у сапога... Что ты будешь дѣлать! Были у меня въ ранцѣ сапоги, надо перемѣниться. Я, чтобы значитъ присѣсть, подался

отъ дороги въ сторону, за пригорокъ спустился; снялъ ранецъ, шинель, ружье положилъ на землю, да за камень и спрятался: боялся, какъ бы кто изъ начальства не увидѣлъ,—забранятся. Сѣлъ, скинулъ сапоги; цыгарку свернулъ, да какъ-то и засидѣлся, самъ не замѣтилъ. Спохватился, наверхъ посмотрѣлъ,—а ужъ нашихъ-то и не видать... Испугался я, сталъ поскорѣе сапоги натягивать... Одинъ-то натянулъ, и слышу—точно мнѣ говоритъ кто, „посиди такъ—батальонъ отойдетъ подальше, а ты уходи: другаго такого случая не дождешься". Я такъ и остался сидѣть. Вижу, сзади другой батальонъ подвигается... Я только къ камню припалъ покрѣпче, лежу и глаза закрылъ... Лежу такъ сколько времени, вдругъ слышу, бѣжитъ кто-то ко мнѣ. Раскрылъ глаза и вижу: вовсе набѣжалъ на меня какой-то незнакомый офицеръ, стоитъ надо мной, а въ рукахъ шашку держитъ... Я перепугался, схватилъ поскорѣй сапогъ, давай натягивать...

— Отстать, такой-сякой,—кричитъ мнѣ, — вздумалъ! Вотъ я тебѣ покажу, какъ отставать!—Да съ этимъ самымъ словомъ какъ вдаритъ по мордѣ рукояткой шашки, я такъ носомъ и забороздилъ по камню...

— „Встать!"—кричитъ... Я хочу подняться, а ненадѣтый-то сапогъ не даетъ стоять, какъ слѣдуетъ, мѣшаетъ... „Какъ ты стоишь?"—да въ ухо меня, я и свалился на землю... „Встать!"—опять кричитъ. Я только хочу встать, а онъ меня по уху—я опять на землю.. Да такъ онъ меня разовъ съ пять, либо съ шесть: я поднимусь, а онъ меня свалитъ на землю, да еще сквернымъ словомъ въ догонку...

— Никогда этого со мной не бывало, хоть и былъ битъ: какъ ударилъ онъ меня послѣдній разъ, сердце у меня вдругъ захолонуло, въ глазахъ помутилось, и себя не помню,—схватилъ я съ земли ружье и бросился на него... Ну, только оборонилъ какъ-то Господь, отнесъ, не тронулъ я капитана,—во-время схватили набѣжавшіе

солдаты, повалили, связали... Потомъ по начальству доставили, сюда погнали... на допросы водили, свидѣтелей вызывали... подъ судъ отдали—за побѣгъ, да за покушеніе на убійство... на той недѣли судили полевымъ судомъ... Все, какъ было, на судѣ обсказалъ—вотъ такъ, какъ и теперь... только все же обсудили...

— Ну?!

— Къ разстрѣлу...—выговорилъ онъ съ трудомъ, минуту спустя.

Тупой болью отозвались эти слова у меня въ груди, и я вскочилъ на ноги. Поднялся и Шубенко. Я чувствовалъ, что долженъ сдѣлать что-то, сказать, но слово не сходило съ языка, въ голову не шла ни одна мысль... Шубенко молчалъ и смотрѣлъ куда-то въ сторону. Чѣмъ больше длилось это молчаніе, тѣмъ оно становилось тягостнѣе, невыносимѣе. Я чувствовалъ, что между мной и Шубенкой что-то разомъ порвалось, образовалась та пропасть, которая отдѣляетъ живаго человѣка отъ мертваго... Кровь стучала, въ ушахъ шумѣло... Могучіе, полные жизни и силы звуки пасхальнаго пѣнія казались грубыми, чѣмъ-то мало вѣроятнымъ...

— Прошеніе подалъ,—заговорилъ снова Шубенко:—сегодня въ заутреню доложатъ командующему войсками... Защитникъ сказывалъ, что могутъ помиловать...

Я не узналъ голоса Шубенки—до того онъ мнѣ показался глухимъ, сдавленнымъ..

Я молчалъ. Можетъ быть, Шубенко ждалъ отъ меня какого-нибудь отвѣта, но я не находилъ его. Время ползло безконечно медленно. Томительное ощущеніе становилось еще тягостнѣе. Я старался сосредоточить свое вниманіе хоть на чемъ-нибудь и не могъ. Сознаніе, что вотъ тутъ, рядомъ, стоитъ здоровый, живой человѣкъ, надъ которымъ уже вѣетъ холодное дыханіе смерти, стоитъ живой мертвецъ, жгло мозгъ... меня охватилъ ознобъ, я начиналъ дрожать...

— Какъ вы думаете,—вдругъ обратился Шубенко ко мнѣ, смотря мнѣ прямо въ глаза,—могутъ помиловать?

Я не могу припомнить этой минуты безъ чувства жгучаго стыда: я снова промолчалъ...

Я не знаю, чего бы въ ту минуту не сдѣлалъ я для Шубенки; но говорить, бросить искру надежды въ душу человѣка, который, можетъ быть, уже покончилъ съ жизнью, подвелъ послѣднія итоги,—сдѣлать это, когда у самаго не было вѣры въ возможность благопріятнаго исхода, я не могъ, просто языкъ не повиновался... Не знаю, понялъ ли меня Шубенко или отнесъ мое молчаніе къ эгоизму человѣка, которому не грозитъ смертельная опасность, но онъ, посмотрѣвъ на меня мутнымъ, стекляннымъ взглядомъ, плотнѣе запахнулся въ свой широкій халатъ и отошелъ въ сторону, ближе къ рѣшеткѣ.

Такъ онъ стоялъ до конца службы. Молился ли онъ? Не думаю. Правда, мнѣ показалось разъ, что я слышу, какъ его губы шепчутъ: „не приведи, Господи!“—но это скорѣй могла быть вслухъ высказанная мысль, чѣмъ молитва, да и слова эти могли относиться не къ нему самому, а къ его деревнѣ, за которую онъ такъ боялся и сокрушался. Да и времени для молитвы не было.

Внизу арестанты шумно, звякая цѣпями, подходили къ священнику, стоявшему посреди церкви, христосовались съ нимъ и цѣловали крестъ. Все заволновалось, пришло въ движеніе. Среди этого неяснаго гула послышались шаги нѣсколькихъ паръ ногъ, бряцаніе оружія и шпоръ... Вотъ они смолкли передъ нашею дверью... Щелкнулъ замокъ, и дверь распахнулась. Къ намъ ворвался снопъ свѣта изъ освѣщеннаго корридора. Около двери стояли четыре солдата съ ружьями у ноги; штыки были примкнуты. Ближе къ намъ, у самаго входа вытянулся надзиратель, а правѣе стоялъ смотритель тюрьмы. Это былъ красивый старикъ, сѣдой, но съ чер-

ными усами, изъ-подъ которыхъ сверкали крупные бѣлые зубы; особенную красоту его лицу придавали черные, живые, почти юношескіе глаза. Сегодня, въ блестящемъ парадномъ мундирѣ, нашъ майоръ держался особенно молодцовато, отъ него такъ и вѣяло довольствомъ.

— Шубенко, выходи!—крикнулъ надзиратель.

Я видѣлъ, какъ Шубенко вздрогнулъ и двинулся впередъ не совсѣмъ твердымъ шагомъ, волоча ноги. Едва онъ переступилъ порогъ, какъ смотритель остановилъ его словами:

— Ну, Шубенко, молись Богу!

Шубенко остановился и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на майора; лицо его сильно поблѣднѣло.

— Молись, говорю, Богу: командующій войсками помиловалъ тебя — на двадцать лѣтъ каторги! Ступай въ контору, тамъ узнаешь...

Шубенко нѣкоторое время стоялъ, молча, по-прежнему глядя на смотрителя, потомъ вдругъ пошатнулся, схватился руками за перила и припалъ головой къ стѣнѣ. Плечи его тихо вздрагивали... послышались рыданія, сначала глухія, сдержанныя, а потомъ раздававшіяся все громче и громче... Солдаты, надзиратель стояли, не шевельнувшись, съ застывшими лицами. Веселый майоръ былъ видимо смущенъ.

— Полно, братецъ! Что ты, перестань!—утѣшалъ онъ, дотрогиваясь до плеча Шубенки. Но тотъ не слышалъ этихъ смотрительскихъ словъ, и изъ его горла продолжали вырываться дикіе, хриплые звуки...

— Вотъ чудакъ! Я его хотѣлъ порадовать, а онъ... Майоръ смущенно пожалъ плечами.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. К.П. (б.)
10780
10780